

А.А.Тесля

«НАРОДНЫЙ РОМАН» В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

**Эко У. Superman для масс: Риторика и идеология народного романа /
Пер. с ит. Ю.Галатенко. М.: Слово/Slovo, 2018. — 248 с.**

¹ Работа выполнена в Балтийском федеральном университете им. И. Канта при поддержке РФФ (грант № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках») и средств субсидии, выделенной БФУ им. И. Канта на реализацию Программы повышения конкурентоспособности в рамках Проекта 5-100.

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград). Для связи с автором: mestr81@gmail.com.

Аннотация. В русском переводе «Superman для масс» Умберто Эко вышел в 2018 г., но включенные в него очерки были написаны задолго до этого — в 1965—1976 гг. Собственно, этим они во многом и интересны, ибо, отражая идеологическую и политическую «подкладку» конкретных теоретических построений автора, они вместе с тем позволяют с временной дистанции взглянуть на содержащиеся в этих построениях предвестники будущей теории.

Теоретическая рамка рассматриваемого сборника отсылает к периоду, предшествующему 1968 г., — это и остающееся само собой разумеющимся деление культуры на «высокую» и «низкую», и представление об освобождающем потенциале культуры как таковой и «революционности» любого подлинного произведения искусства. В этом плане трактовка «народного романа» выглядит однозначной — как текстов, несущих в себе «реформистское» и, следовательно, «консервативное» видение. отождествление «реформы» и «консерватизма» происходит за счет указания на то, что всякая «реформа» предполагает сохранение социального порядка и тем самым не только не ставит его под вопрос, но и укрепляет через повторение. Тем не менее анализ в логике Эко особенностей самого влиятельного «народного романа», «Парижских тайн», демонстрирует наличие у подобного рода текстов иного потенциала — способности вводить проблематику, которая в другой форме была бы неприемлема для читателей. В итоге «народный роман» и «массовая литература» оказываются сферами не только утверждения наличного порядка, но и введения принципиально новых по отношению к нему элементов, снимая сопротивление аудитории через эффект избыточности, представления нового в ряду со знакомым.

Ключевые слова: массовая культура, народный роман, реформизм, консерватизм, революционность

Тому, что в русском переводе вышел сборник статей Умберто Эко по семиотике и социологии «народного романа», причем статей, написанных в 1965—1976 гг., мы обязаны исключительно его гораздо более поздней славе романиста и философа. Впрочем, с тем же связано и итальянское издание «Superman'a», подготовленное в 2016 г., еще при жизни автора. Приходится признать, что без этого обстоятельства, полностью внешнего по отношению к самому сборнику, он не мог бы состояться — статьи, включенные в него, не устарев по сути (в смысле опровержения), в значительной мере стали «общим местом», и потому подробный разбор многих из рассматриваемых в них сюжетов (как, например, структуры романов Яна Флеминга) выглядит избыточным.

В связи с этим возникает вопрос: зачем вообще рассматривать этот сборник, особенно если нас интересует не история мысли как таковая, но теория и, следовательно, то, что в концепциях и опыте прошлого сохраняет значимость для нас сегодняшних, а не является исключительно историческим материалом (в роли последнего может выступать любой текст — хотя бы как «типичный пример» или, напротив, «курьез»)? Ответ, на наш взгляд, заключается в подспудной сквозной теме книги, связанной со временем написания включенных в нее статей, — внимании к массовой литературе как идеологическому феномену, к политическому звучанию, которое приобретается ею не столько индивидуально, в силу авторских установок и представлений, сколько структурно. Иными словами, к тому, как и почему «народный роман» имеет именно эти, а не иные политические импликации, хотя индивидуальные воззрения авторов и потребителей подобных текстов могут располагаться в весьма широком диапазоне (что, заметим попутно, позволяет прояснить и эффекты новых культурных форм аналогичного типа).

В последующем обзоре мы, соответственно, сосредоточимся именно на этой — политической — составляющей книги Эко, оставив за скобками литературоведческие сюжеты, если они не имеют непосредственного отношения к предмету нашего внимания.

Отправной точкой в рассуждениях Эко служит наблюдение Антонио Грамши, заметившего в «Тюремных тетрадах», что, прежде чем появиться у Фридриха Ницше и начать странствовать по полям философии, «сверхчеловек» возникает в «Графе Монте-Кристо» Александра Дюма (и в «Парижских тайнах» Эжена Сю — в лице Родольфа, которому, как напоминает Эко, Дюма обязан моделью этого рода персонажей). «Народный роман», в первую очередь романы-фельетоны Сю и Дюма, а затем бесконечные, соперничающие по объему с продукцией самой фабрики Дюма сочинения Понсон дю Террайля, продолжающие их романы об Арсене Люпене и Фантомасе и т.д. (ряд, завершаемый Эко серией романов Яна Флеминга), — это массовая литература, противостоящая «высокой», или литературе в собственном смысле слова.

В этом плане рассуждения Эко принадлежат скорее эпохе до 1968 г. Культура («высокая») для него революционна по определению: всякое подлинное произведение искусства и литературы расширяет рамки, проблематизирует порядок. Напротив, «народный роман» в силу самой повествовательной модели оказывается «реформистским», «консервативным», поскольку предполагает удовольствие от повторения, от избытка. Читатель там встречается со знакомым и ищет его, а если (например, в деталях, отступлениях, описаниях) находит нечто новое, то это новое обезврежено, ибо ввиду неизменности рамки *per se* все новое будет встроено в существующий порядок, не только не подрывая, но и укрепляя его, демонстрируя, что все имеет свое законное место, — и напряжение, возникающее от видимого нарушения, лишь усилит удовольствие от восстановления должного. Так, проститутка, на самом деле оказавшаяся принцессой и наследницей престола (предел мыслимого переворачивания порядка), на следующем ходе умирает, тем самым избавляя от невыносимого — необходимости представить уличную девку восседающей на престоле. Поруганная честь восстановлена, восславлена откровеннейшей тайной происхождения (тем самым утверждён моральный порядок и воздаяние обретено еще здесь, на земле), но принцесса-проститутка так и не станет повелительницей, наследница не вступит никогда в права наследства (и моральный порядок торжествует во второй раз).

Поскольку порядок не может измениться, ведь в этом случае была бы поставлена под вопрос повествовательная модель и читатель не получил бы своего удовольствия, роман-фельетон может быть только «реформистским». При этом в качестве субъекта «реформы» выступает внешняя власть (тайное общество, уникальная личность и т.п.) — двойник существующей власти или той властной силы, что причиняет зло (с. 107—108). Позиция, с которой может ассоциировать себя читатель, двойка: это или объект властного воздействия (добраго или злого), или фантазм обладания властью, но личной, делающей других объектами. Структура остается не только неизменной, но и подтверждаемой, так как фантастическое представление себя обладателем власти означает воспроизводство в своем воображении сложившейся модели с собой в качестве центра (и надежду на то, что реальная власть произведет то благое действие, которое в своем воображении совершил читатель). Тексты Сю и синхронных с ними авторов квалифицируются Эко как социал-демократические и реформистские (с. 117), но если первая характеристика имеет конкретно-историческую природу, то вторая является сущностной и может быть заменена лишь на чистый консерватизм.

Но вместе с тем, повторяет Эко вслед за Жаном-Луи Бори, биографом Сю, «Парижские тайны» внесли свой вклад в 1848 г. — и в февральскую революцию, и в последующую эпопею с национальными мастерскими, воспроизводившими рецепты Родольфа, в свою очередь

позаимствованные у фурьеристов, и в июньское восстание. И это позволяет с другого ракурса взглянуть на проблематику реформы/революции и реформизм/консерватизм «народного романа». Если в годы, предшествующие 1968-му и сразу следующие за ним, понятия «реформа» и «консерватизм» у Эко, по сути, отождествляются, то признание значения «Парижских тайн» побуждает его развести их, обнаружив в «реформизме» подобного рода литературы иной потенциал. Безусловно, эти тексты построены на «избыточности», на эффекте *déjà vu*, когда читатель получает удовольствие от встречи с хорошо знакомым раскрытием заведомо известного ему сюжета, и в этом смысле они «консервативны» двояко: и утверждая, укрепляя наличный порядок (ведь только за счет этого порядка, восстанавливаемого вновь и вновь, воспроизводимого привычным движением сюжета, он получает свое постыдное удовольствие), и сами будучи воспроизводством литературных шаблонов, что выводит их, собственно, за границы литературы, предполагающей, дабы считаться сферой искусства, производство нового, разрыв с традицией или ее переинтерпретацию, а не слепое повторение². Но именно за счет присущей им избыточности такие тексты открывают возможность для внедрения новых для соответствующей аудитории идей — точнее, для их эффективного усвоения, ведь помещенная в пространство известного новая идея уже не воспринимается как некая «странная мысль», от которой ввиду ее странности, оригинальности можно отмахнуться. Аналогичным образом обстоит дело и с сообщаемыми фактами: повторяемость, избитость разворачивающегося сюжета делает их тоже «повторяемыми», типичными. Так, нищета парижского пролетариата — теперь не череда единичных случаев, но положение вещей, причем нестерпимое, и таковым предстает для читателя из тех же пролетариев: он встречается с описанием, в котором узнает себя (в силу прямого указания автора), в котором он назван и обозначен не только как заслуживающий, но и как требующий сочувствия, а его состояние — как подлежащее изменению.

Отметим, кстати, и другой парадокс, остающийся в вошедших в сборник очерках Эко за скобками — чтобы получить развитие в текстах уже постструктуралистского периода, в оптике, проблематизирующей соотношение «высокой» и «низкой» литературы (или даже правомерность отнесения второй к литературе *per se*). Массовая, народная, «низкая» литература, как и идущий ей на смену кинематограф больших бюджетов (а в наши дни — сериалы), осмысляется в категориях «избыточности» и «повторения», но именно среди этой литературы сам Эко вслед за Грамши находит истоки *Superman*'а и *Übermensch*'а. Избыточность и повторение предстают не противостоящими порождению нового, но порождающими его иными средствами — и не фиксируя внимания потребителя на привнесении даже радикальной новизны. Новое возникает и помимо воли авторов такого рода произведений, порой ломая их авторские конструкции и задумки. Например, ввиду совершенно неожиданного для всех феноменального успеха первой части

² См., напр. Гройс 2015: 58—59.

«Парижских тайн» у публиковавшей роман Сю газеты «Journal des débats» возникает желание длить его выпуск из номера в номер, и, поскольку изначальной интриги и приготовленных сюжетных ходов для этого оказывается недостаточно, уже с третьей части роман теряет всякую форму, обрстая рассуждениями, социальными и физиологическими зарисовками.

³ Беньямин 2015:
37 и сл.

Здесь же можно вспомнить и жанр «физиологического очерка», расцветший в начале 1840-х годов и очень быстро исчерпавший свой потенциал. Как замечает Вальтер Беньямин (реминисценциями из его работ о Бодлере пронизаны едва ли не все очерки Эко, собранные в «Superman'e»), основная особенность этого жанра — попытка представить обитателей большого города в качестве «безопасных»³. «Физиологические очерки» беспроблемны, и в этом их отличие от «большой» литературы, где завершение сюжета не возвращает нас к порядку, не восстанавливает социальный космос с уже известными нам правильными ответами — ни счастливый, ни трагический конец истории не содержит в себе указания на то, как нам отнестись к тем вопросам, которыми движимы герои или по отношению к которым их расставляет автор. Литература и в том смысле революционна для Эко, что принципиально тревожна. Она не примиряет нас, а, напротив, пробуждает тревогу и применительно к тому, что ранее оставляло нас спокойными; и мы должны теперь, уже за пределами литературы, искать способы снять эту смятенность — через развлечения, удовольствие от «народного романа» или через некое действие, социальное и/или политическое. Но «физиологический очерк» вводит в поле различимого, поименованного (и получившего возможность говорить о себе) то, что прежде оставалось недифференцированным. Это не только узнавание другого, но одновременно и опознание себя и соотнесение с другими — такими же, как ты, и иными, противостоящими или соседствующими.

«Стоит идеям распространиться, пусть даже ошибочным, как они начинают жить своей жизнью» (с. 67), — замечает Эко по поводу принца Родольфа, из которого вырастут последующие поколения сверхлюдей. В этом замечании легко распознать центральную тему будущего «Маятника Фуко» (1988), но если в первой его части речь идет лишь о массовости (и массовой литературе как ее составляющей), вполне очевидно связанной с распространением, то во второй есть уже поворот к иному — ведь идеи «живут своей жизнью» в тех самых текстах, которые их и распространяют. Изменение и тиражирование неотделимы друг от друга.

Библиография

- Беньямин В. (2015) *Бодлер*. М.: Ad Marginem.
Гройс Б. (2015) *О новом: Опыт экономики культуры*. М.: Ad Marginem.

слово

A.A.Teslya
**“POPULIST NOVEL”
 IN IDEOLOGICAL CONTEXT**

**Eco U. Superman for Masses: The Rhetoric and Ideology
 of the Populist Novel / Translated from Italian by Yu.Galatenko.
 Moscow: Slovo, 2018. — 248 p.**

Andrey A. Teslya — Ph.D. in Philosophy; Senior Researcher at the Academia Kantiana, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad). Email: mestr81@gmail.com.

Abstract. The Russian translation of Umberto Eco’s “Superman for Masses” was published in 2018, but the essays included in the book were written long before that — in 1965—1976. This is in fact what makes these essays interesting, because they reflect the ideological and political “foundation” of the author’s specific theoretical constructs, thereby allowing us to look from the today’s point of view at the precursors of the future theory contained in those constructs.

The theoretical framework of the reviewed volume refers to the time period preceding 1968 — this is about the division of culture into “high” and “low”, which is still relevant, and the idea of the liberating potential of culture as it is and the “revolutionary nature” of any genuine art work. In this regard, the interpretation of the “populist novel” looks unambiguous i.e., essays that represent “reformist” and, therefore, “conservative” vision. One can equate “reform” and “conservatism” since any “reform” implies preservation of social order: not only does it refuse to question social order, but also it reinforces social order through repetition. Nevertheless, the analysis in Eco’s logic of the peculiarities of “Secrets of Paris”, the most influential “populist novel”, demonstrates that essays of this kind possess a different potential — an ability to introduce a problem that would be unacceptable for readers in any other format. As a result, the “populist novel” and “mass literature” turn out to be areas that not only establish the existing order, but also introduce fundamentally new elements, relaxing resistance of the audience through the redundancy effect, presenting new ideas along with the familiar ones.

Keywords: mass culture, populist novel, reformism, conservatism, revolutionism

References

- Benjamin W. (2015) *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
 Groys B. (2015) *O novom: Opyt ekonomiki kul'tury* [Über das Neue. Versuch einer Kulturökonomie]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)